

В.Ю. Софронов

Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII – начале XX в.

Национальная политика дореволюционной России, неразрывно связанная с конфессиональной принадлежностью народностей, входивших в состав имперского государства, и сегодня остается темой малоизученной и по сути своей не раскрытой. То же самое можно сказать о роли и значении в отечественной истории православного миссионерства, которое в ряде вопросов выполняло функции проводника правительственных идей, в основе которых лежала установка на полную русификацию национальных окраин. Не останавливаясь на историографии вопроса, можно обобщенно отметить, что дореволюционные историки рассматривали православное миссионерство в отрыве от политических государственных задач, в то время как в историографии советского периода преобладала тенденция негативного освещения любых видов деятельности РПЦ (Русской православной церкви). Из выступления Президента России В.В. Путина в Мюнхене о необходимости построения многополярного мира можно предположить, что православное миссионерство на современном этапе вполне способно выполнить задачу создания новых точек соприкосновения с государствами, заинтересованными в содружестве с Россией.

С момента присоединения к Московскому, а в дальнейшем Российскому государству новых территорий, где преобладало население, исповедующее нехристианскую религию, возникала проблема управления народонаселением этих земель таким образом, чтобы в них сохранялся принятый ранее уклад и вероисповедание. Поскольку на протяжении многих веков Российская империя складывалась и развивалась как многонациональное государство, то постепенно сформировались принципы национальной политики, направленные всегда только применительно к конкретным конфессиям и народам на том или ином этапе исторического развития [1, с. 131].

Для этой цели принимались специальные законодательные акты, которые и регламентировали права и обязанности религиозных, общественных и этнических общностей, на основе чего и можно судить о видоизменениях национальной политики в России.

Впервые вопрос о вхождении в состав Московского государства новой территории с населением, исповедующим ислам, встал после взятия Иваном IV Казанского ханства. Затем к Москве присоединились ханства Астраханское, Сибирское и ряд северных «княжеств». Вслед за ними последовал Кавказ, а затем

и Средняя Азия. И везде вопрос вероисповедания оставался ключевым и определяющим, сообразно чему и складывались взаимоотношения между коренным и православным русским населением.

Все подданные Российской империи могли исповедовать ту религию, которую они восприняли с момента своего рождения, но при этом православие признавалось господствующим и единственно верным учением [2, с. 70; 3, с. 40; 4, с. 1–2]. На основе этого православной церкви разрешалась пропаганда своего вероучения и распространение основных христианских законов и принципов внутри государства, включая методы убеждения и другие «добрые приемы» [2, с. 70; 3, с. 40]. Православному населению предписывалось уважительно относиться к вере и обычаям народов, в контакте с которыми оно проживало: запрещалось осквернение могил, священных мест, что должно было публично осуждаться духовенством [5, с. 32]. Региональным властям предписывалось «охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно» [6, с. 4].

Вероятно, в XVII в. появился термин «инородец», который на практике не был четким. Это объяснялось тем, что правовой статус инородцев во многом зависел от религиозной принадлежности. Инородцы в основном были нехристианами и подвергались некоторым ограничениям в своих правах. Этнический и вероисповедный моменты были сильно переплетены. Как указывал Н.А. Бобровников, изучавший население Казанской губернии, «в число татар-магометан вошли все инородцы, принявшие магометанство, так как принятие магометанства у инородцев равнозначает превращению в татар; переходящие в магометанство инородцы про себя говорят: мы выходим в татары» [7, с. 3].

Любой инородец, принявший крещение и ставший православным, получал все права, которые имел и любой русский человек, принадлежащий к соответствующему сословию. Вслед за актом присоединения к официальной церкви следовала этническая ассимиляция крестившихся, т.е. их потомки могли изменить фамилию и писаться как русские.

Но главенство православной церкви над другими религиозными конфессиями не могло не привести к нарушениям закона о веротерпимости не только рядовыми гражданами, но и иерархами церкви. Об этом свидетельствуют законодательные акты конца

XVII в., в период регентства царевны Софьи, где сообщается о превышении православным духовенством с ведома высшей духовной власти их полномочий при крещении татар в верховьях Волги (1681 г.) [8, с. 25]. Другим указом 1685 г. требование о добровольном переходе в православие распространялось уже на всех иноземцев: «...буде которые иноземцы похотят креститься в православную христианскую веру волею своей и их велеть принимать и крестить, а не волею никаких иноземцев крестить не велеть» [2].

Таким образом, можно отметить, что проблема конфессиональной принадлежности в многонациональном государстве достаточно четко сформировались в конце XVII в., **причиной ее появления стали** закрепленные законодательно принципы добровольности приведения иноверцев в православие, которые сохранялись практически без изменений вплоть до 1917 г.

Сама обрядность при крещении нерусской части населения России хоть и не имела законодательного обоснования, но была оформлена в виде особых правил, которые должны были неукоснительно исполняться духовенством при совершении обряда крещения [2, с. 70]. Согласно этим правилам крещение могло быть осуществлено лишь после подтверждения обращаемым своего добровольного согласия в присутствии свидетелей и местных властей [5, с. 32]. При этом с крестившегося бралась расписка по специально установленной форме [5, с. 25]. В случае крещения детей, не достигших четырнадцати лет, согласие в виде расписки брали с одного или обоих родителей ребенка. Церковные причты, совершившие обряд крещения иноверцев, должны были сообщать об этом епархиальному начальству раз в год в специальной сводной ведомости. Обобщенные сведения о крестившихся в обязательном порядке прилагались к ежегодному отчету епархий в Святейший синод.

Государство законодательно стимулировало переход представителей иных конфессий в православие. Для их поощрения к принятию православной веры предусматривались определенные льготы в государственных сборах, освобождение от рекрутской повинности, снятие наказания за мелкие преступления и небольшие подарки: нательный крест, материя на одежду и пр. [9, №1018, 1382, 4123; 4, №8349, 8792]. Указами Петра I от 7 июня 1710 г. и от 6 декабря 1714 г. предписывалось выдавать новокрещенным из государственной казны «на кафтан сукна семи аршин, на подкладку крашенный по двадцать два аршина, на рубашку холста по двадцати два аршина, по два кумача» [10, л. 4–4об.; 11]. В дальнейшем формы вознаграждения за крещение совершенствовались, достигнув расцвета в XVIII в. Появилась система льгот и привилегий для новокрещенных [12, №241]. Наиболее значимыми из них были освобождение на определенный срок (как правило, на три года) от всех

денежных сборов и повинностей в пользу государства [9, №3622, 3637, 4048; 13, №8236]. Для мусульман задача крестившимся денежного и одежного жалования была отменена в 1837 г., но в ряде епархий материальное стимулирование продолжалось и в дальнейшем в зависимости от возможностей местных властей.

Мусульманам, перешедшим в православие, правительство уделяло особое внимание. Крещенные татары могли наследовать свои земли и имели в этом отношении преимущество перед родственниками, не принявшими православие [14, с. 521–522]. Если же новообращенные находились в холопстве у татар или бухарцев, то государственным указом 1680 г. предусматривалась выплата их хозяевам компенсации за счет государства или церкви. Так, в 1721 г. тобольские служилые татары обратились в суд с требованием выплаты им денег за 12 холопов, принявших крещение [10, л. 24–27об.]. При этом государство практически всегда было на стороне православного большинства: с целью предотвращения перехода новообращенного из православия в иное вероисповедание гражданским законодательством были оформлены ограничения, которые не позволяли кому-либо покинуть лоно официальной церкви. Отказ от православия расценивался как вероотступничество, и в силу вступала система репрессивных мер, согласно которым отступника могли подвергнуть штрафам, заключению под стражу, ссылке в монастырь и пр. [2, с. 41, 44]. Мусульманам категорически запрещалось проповедовать ислам крещеному населению [14]. Еще более строгие меры предусматривались по отношению к лицам, которые «сворачивали» православных в иную веру. Так, согласно «Уложению» 1649 г. за «сворачивание в басурманство» совратителю грозила казнь на костре. В XIX в. **наказание за подобные проступки** значительно смягчили, и виновный подвергался ссылке в Сибирь [15, с. 189]. Факт склонения того или иного лица в иную веру должен был рассматриваться в суде, и в случае его доказательства предусматривалось лишение совратителя всех прав состояния и ссылка на каторжные работы [16, с. 184]. Переход христиан в ислам или иное вероисповедание был юридически невозможен и преследовался в уголовном порядке. Но мусульманин по российским законам мог принять лютеранскую, римско-католическую, армяно-григорианскую и другую христианскую веру, получив на это санкцию верховной власти. Представителям неправославных христианских исповеданий была разрешена миссионерская деятельность среди мусульман Кавказа и пограничных с Россией областей.

С целью ограждения православных верующих от представителей иных вероисповеданий, в частности мусульман, запрещалось строить мечети рядом с православными храмами, а в дальнейшем практиковалось наложение запрета на совместное проживание крещеных и некрещеных татар [17, с. 158].

Религиозные запреты распространялись и на частную жизнь верующих. Так, Тобольской консисторией в середине XVIII в. был издан указ, в котором говорилось: «Не позволено жить в супружестве христианского исповедания с невоспринявшими веру христианскую, но даже воспрещается иметь жительство в домах их» [18, л. 4].

В годы правления страной императрицей Анной Иоановной была предпринята попытка возложить на государственных служащих вопросы по обращению нерусской части населения страны в православие. С этой целью в 1731 г. учреждена так называемая «Новокрещенская комиссия», преобразованная в 1740 г. в «Новокрещенскую контору», которая размещалась при Свяяжском Богородицком монастыре [19, с. 82]. В сферу деятельности этого учреждения были отнесены все вопросы по крещению народностей, исповедующих неправославные конфессии. Тогда же по указу Святейшего синода в Казани предпринимается первая в России попытка подготовки штатных миссионеров и издается указ о крещении татар Поволжья и Сибири. В 1736 г. был издан указ Синода о повсеместном запрещении строительства мечетей на территории России [20, с. 231]. Все это говорит о целенаправленности государственной политики на обращение в православие мусульман России, что, как сообщалось в указах, происходило в связи с усилением религиозной пропаганды ислама из стран Средней Азии.

Во время царствования Елизаветы Петровны позиция Российского государства по отношению к мусульманству стала изменяться, принимая более либеральные формы. 20 марта 1751 г. издан указ, согласно которому новокрещенные освобождались на три года от рекрутской повинности и наказаний за некоторые из совершенных ими преступлений. При этом они пользовались льготами, которые были обещаны им прежними, не утратившими силу государственными актами. Об этом свидетельствует посланное 12 марта 1750 г. письмо из Тобольской духовной консистории в Томское духовное правление, где сообщалось, что в Алексеевский монастырь направлен архимандрит Исаия «для увещевания и призывания тамошних татар и протчих неверных народов ко св. крещению» [21, л. 1].

Кроме того, новокрещенным было велено «давать из казны ЕИВ по силе указов награждение и от платежа ясаку – указную льготу и всякое прежде некрещеным народам свободу, дабы чрез то другие ко св. крещению придать охоту» [21, л. 3].

О более лояльном отношении государственной власти к инаковерующим говорит именной указ Петра III от 29 января 1762 г., которым было объявлено о веротерпимости или о равенстве вероисповеданий. Но в силу кратковременности пребывания на престоле Петра III этот указ в дальнейшем использован

не был и носил чисто декларативный характер. Курс на либерализацию отношения к гражданам нехристианских конфессий продолжен Екатериной II, когда 20 февраля 1764 г. был опубликован ее указ, предписавший иноверцам «мужского полу отцам, сыновьям за восприятие веры греческого исповедания ... из числа сколько кому оно сверх трехлетней льготы дать надлежит для зачету мужскому полу в подушный сбор давать им квитанции, по которым квитанциям после прошествия данной им трехлетней льготы засчитать оплату подушного сбора» [22, л. 1–2].

Можно констатировать, что государство отказалось от политики всеобщей христианизации нерусской части населения, в связи с чем была закрыта «Новокрещенская контора». В то же время русские власти всегда исходили прежде всего из целей защиты интересов империи: принцип религиозной терпимости соблюдался настолько, «насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка» [23, с. 153].

В 1783 г. всем мусульманам, проживавшим на территории Российской империи, предоставлялось право избирать ахунов. В 1788 г. было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание в Уфе – орган духовного управления магометан, а также запрещено любое вмешательство православного духовенства в решение вопроса о строительстве мечетей. Регламентировалось лишь расстояние, на котором мечеть должна отстоять от православного храма на основании норм «Устава строительного», что должно составлять величину не менее 100 сажень [24]. В Казанской губернии было открыто несколько медресе. Впервые в России была разрешена печать Корана. Если государственным указом 1681 г. у некрещеных татар отписывались земли, на которых проживали их крещеные соотечественники, а указом 1683 г. некрещеные татары-землевладельцы утрачивали поместные права, то теперь оседлому мусульманскому населению разрешалось закрепление обрабатываемых ими земель.

Но центральная власть стремилась всеми возможными средствами контролировать деятельность мусульманского духовенства, намереваясь добиться следующего:

- обеспечить за правительством средство надзора и контроля над действиями лиц, которые в силу их религиозных убеждений могли разжигать в мусульманской среде «враждебный дух неповиновения»;
- противодействовать укреплению в среде мусульманского духовенства излишней корпоративности;
- воспрепятствовать вторжению в русские пределы из Ирана и Турции «чужеземных духовных лиц, особенно против нас настроенных»;
- ограничить по возможности круг действий духовенства в среде мусульманского населения, не посягая при этом на его религиозные убеждения;

- поставить влиятельную часть мусульманского духовенства в непосредственную зависимость от правительства, связав его материальные интересы со служением правительству;
- создать надзор над мусульманскими духовными училищами;
- принять меры для усиления правительственного контроля над разными видами доходов мусульманского духовенства [25, с. 9–10].

Императорским указом от 1782 г. по всем крепостям Сибирской линии для привлечения в них служилых татар было разрешено строить мечети, школы и караван-сарай. Сибирским бухарцам предоставлялись определенные привилегии как торговому сословию. По личному распоряжению императрицы на юг Западной Сибири, где преобладало тюркское население, направлялись муллы из числа казанских татар, которые должны были воспитывать свою паству «в духе подчинения нашему царственному дому». Они должны были содействовать открытию народных училищ для детей казахов, готовить издания учебников на их родном языке, собирать средства на строительство мечетей.

Происходящие изменения в законодательстве и политике правительства можно расценивать как поворотный момент по легализации мусульманства в России, что позволило в дальнейшем сформировать официальное исламское духовенство с четкой иерархией и шариатским судопроизводством по гражданским делам. Однако государство не могло допустить даже малейшей автономности и самостоятельности мусульман и их духовных лидеров, а потому были введены экзамены для мулл, личные дела которых поступали в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД.

Но, несмотря на довольно либеральную политику по отношению к мусульманам и представителям иных конфессий, Екатерина II **не решилась оформить законодательно равенство других религий с православием**, поскольку ни она лично, ни общество к подобному шагу оказались не готовы. В то же время при ее царствовании была приостановлена миссионерская деятельность практически на всей территории Российской империи: в 1789 г. Сенат специальным указом приостановил деятельность миссионеров в северных областях России из-за распространения слухов о готовящейся насильственной христианизации народов Северо-Западной Сибири [26, с. 89–93].

Ни в одной из епархий не были учреждены миссионерские должности, и обязанности по привлечению к православию нехристианского населения лежали на приходских священниках, для поощрения активности которых в миссионерском вопросе предусматривалось награждение орденом Св. Анны (в случае обращения в христианскую веру 100 и более иноверцев). Когда в 1799 г. из Синода в Сенат поступил запрос

о возобновлении миссионерской деятельности на территории Сибири, то ответ был дан отрицательный [27, с. 266–267].

В XIX в. практика правовых ограничений по конфессиональному признаку сохранилась и была в значительной степени расширена, детализирована и юридически обоснована. Новый всплеск интереса к миссионерству начался в конце царствования Александра I в связи с реформами М.М. Сперанского, подготовившего «Устав сибирских инородцев». Согласно законам Российской империи (ст. 762) к числу «инородцев» в России относились: «1) сибирские инородцы; 2) самоеды Архангельской губернии; 3) кочевые инородцы Ставропольской губернии; 4) калмыки, кочующие в Астраханской и Ставропольской губерниях; 5) киргизы Внутренней Орды; 6) инородцы областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской; 7) инородческое население Закаспийской области; 8) евреи» [28, с. 154].

«Устав об управлении инородцев» предполагал деление коренного сибирского населения на три разряда: 1) оседлое (татары и часть алтайских племен); 2) кочевое (буряты, тунгусы, якуты и другие); 3) бродячее (охотничьи и оленеводческие племена Крайнего Севера). Управление этим регионом сосредоточивалось в руках генерал-губернатора. На местах образовывались «инородческие управы» и подчиненные им родовые управления, а у кочевых народов – степные думы. Инородческие управы должны были осуществлять надзор, «чтобы законы и обычаи и обряды утвержденные исполнялись непременно; чтобы родовое управление действовало не иначе, как для общей пользы; чтобы не упускало из виду нужд народных». Кроме того, они должны были вести перепись населения и выполнять предписания земской полиции. Обязанности степных дум состояли в «народоисчислении, раскладе сборов, правильном учете всех сумм и общественного имущества, распространении земледелия и народной промышленности, ходатайстве у высшего начальства о пользах родоначей» [29, с. 401–405].

Реформы М.М. Сперанского позволили на правовой основе включить миссионерскую деятельность в круг государственных интересов и обозначить ее место в национальной имперской политике. В основе реформ лежала идея, согласно которой туземные народы должны были быть ориентированы на восприятие ими русской культуры: способов ведения хозяйства, организации быта и т.п. Решение этой задачи предполагалось возложить непосредственно на миссионеров, которые должны быть направлены в самые отдаленные уголки империи для ведения там не только религиозной, но и просветительской деятельности. В качестве положительного опыта Сперанский указывал на деятельность православных миссионеров, проповедовавших среди бурят, отмечая, что

они оказали местным инородцам огромную пользу тем, что развили их понятия, возбудили в них любовь к труду, научили многих из них грамоте и разным ремеслам. Переход «инородческих племен» к оседлости и земледельческому труду, по мнению реформатора, должен происходить постепенно и мирным путем, при этом важное место занимали свобода торговли и предпринимательская деятельность, замена натуральных повинностей денежными, распространение просвещения.

Как видим, реформы конца царствования Александра I дали **новую ориентацию в отношении нерусской**, а в большинстве своем и неправославной части населения – их русификацию через культуру русского населения с одновременной постепенной христианизацией.

Во время царствования императора Николая I, ввиду усиления влияния мусульманского духовенства на местное население, в том числе в Поволжье и на территории Западной Сибири, была предпринята попытка развернуть широкомасштабную миссионерскую деятельность путем открытия постоянно действующих миссионерских станций. 24 декабря 1828 г. Святейшим синодом был издан указ «Об учреждении в Тобольской и Казанской епархиях миссионеров для обращения в православие иноверцев» [30, л. 11]. Этот указ, имеющий силу законодательного акта, можно считать отправной точкой для миссионерской деятельности на территории Российской империи в XIX в.

В вопросах национальной политики государство постоянно лавировало: с одной стороны, не желая отступать от принципа главенства православной церкви, что не могло не сказываться на негативном отношении малых народностей к самодержавной православной власти, с другой – желая привлечь иноверцев на свою сторону путем незначительных поощрений и послаблений. Об этом свидетельствуют законы, принятые Сенатом в первой половине XIX столетия. Так, по указу Сената 1843 г. право на потомственное гражданство для мусульман распространялось на всех законных жен и прижитых от них детей. Лицам, совершившим уголовные преступления, предоставляли юридические послабления. Согласно Уложению о наказаниях 1845 г. в награду за принятие христианства в процессе следствия или суда иноверец мог рассчитывать на смягчение наказания не только в «мере», но и в «степени» и «роде» (т.е. он мог надеяться не только на минимальное наказание, полагающееся законом за конкретное преступление, но и отнесение своего деяния к разделу менее тяжких преступлений, где применялась совершенно иная шкала наказаний). Новокрещенные и члены их семей освобождались от рекрутской повинности и платежа рекрутских денег по общественной раскладке. В самой армии основной формой поощрения при переходе в православие являлись денежные выплаты. По ука-

зу 1836 г., кантонистам из мусульман и язычников за принятие православной веры выдавалось по 25 руб. ассигнациями.

Важное значение по вовлечению нерусского населения в сферу православной культуры имела служба в российской армии, где новобранец сталкивался не только с православными служащими, но и мог свободно посещать православный храм, присутствовать на церковной службе. Хотя регулярная армия комплектовалась преимущественно государственными крестьянами из русских поселений, но наряду с ними на службу набирались и представители других народностей, придерживавшихся неправославных верований. Для мусульман ритуал принятия присяги предусматривал, чтобы воин-мусульманин повторял слова присяги, читаемой мусульманским духовным лицом, держа руку на Коране. При этом он должен был трижды поклясться именем Аллаха и по окончании присяги поцеловать Коран [31, с. 54–58]. Представители других конфессий принимали присягу произвольно, но обязательно на русском языке. В 30-е гг. XVIII в. рекрутов-«инородцев» направляли для прохождения службы в Прибалтику и другие максимально удаленные от родины места, чтоб таким образом полностью изолировать их от привычной языковой и конфессиональной среды. В 1742 г. вышел специальный именной указ «Об обращении полковым священникам в православную веру обретающихся в полках калмык, татар, мордву, чуваш, черемис и других иноверцев». В армии крестившихся солдат переводили из частей с преобладанием иноверцев в другие подразделения.

С 1851 г. армейским нижним чинам, перешедшим в христианство, полагалось по 7 руб. 15 коп. Эта практика была отменена в 1864 г., когда прекратили денежные выплаты новокрещенным военнослужащим. Но была сохранена пенсия женам военных чинов мусульманского исповедания, которая назначалась из расчета на «одно лицо», не взирая на число жен. В 1865 г. крестившимся иноверцам, находящимся на военной службе, разрешили заменять в формулярных и послужных списках отметку о прежнем вероисповедании обозначением сословия, к которому они принадлежали до поступления на службу, и право принимать новые фамилии, заимствованные от имен их крестных отцов.

Одновременно велась подготовка миссионеров в духовных семинариях и при некоторых монастырях. В середине XIX в. при **Казанской духовной академии** были открыты специальные миссионерские курсы, где преподавались восточные языки. В дальнейшем при Казанской академии был создан ряд миссионерских отделений, в частности противомусульманское, с обязательным изучением татарского и арабского языков и истории ислама. В 1863 г. при Первой Казанской гимназии была открыта Центральная крещено-татар-

ская школа, в стенах которой готовились миссионеры-проповедники [32, с. 13].

Отношение правительства к мусульманам менялось в зависимости от изменений политической обстановки. Так, во время войны России в Туркестане распространились слухи, что готовится насильственное обращение всех мусульман в православие, благодаря чему началось массовое дезертирство татар из русской армии, а после войны поднялась волна эмиграции из России в мусульманские страны [33, л. 178].

Не лучше сложилась ситуация и во время русско-турецкой войны 1877–1879 гг. Все это дало повод говорить о безуспешности миссионерской деятельности. Интересен отзыв директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий Э.К. Сиверса на докладную записку оренбургского генерал-губернатора, поданную ему в 1867 г.: «Замечательно, там, где наше правительство имело менее влияния, фанатизм религиозный менее развит» [34, л. 1–1об.]. Позднее в письме к архиепископу Антонию от 15 января 1876 г. Э.К. Сиверс писал, что «правительство должно иногда обнаруживать некоторую воздержанность относительно применения карательных мер в делах веры, ввиду многочисленности мусульман и по другим соображениям» [33, л. 64об.]. В отчете МВД за 1892 г. «О мероприятиях по отношению к магометанству» признавалось, что «мусульманство представляет такую силу, с которой в религиозном отношении бороться более чем затруднительно и которая менее других уступает деятельности христианских миссионеров» [34, л. 1–1об.]. Все это заставляет говорить о том, что национальная культура мусульман не претерпела каких-либо изменений вследствие миссионерской деятельности православных проповедников в регионах их проживания. В связи с этим вызывают удивление точки зрения И.Г. Георги (в конце XVIII в.) и Н.М. Ядринцева (в конце XIX в.), **которые на основе анализа национальной политики российского правительства пришли к однозначному выводу, что она повлекла исчезновение у сибирских татар письменности, потому, что они «совершенно забыли школу»** [35, с. 106; 36, с. 26].

В начале XX в. на взаимоотношения власти с мусульманской частью населения России влияли такие факторы, как изменение общей политической ситуации в стране, либерализация курса вероисповедной политики, появление «мусульманского вопроса», а также возникновение опасности распространения панисламистских настроений среди малообразованной части православного населения. Потому задача удержать мусульман в подданстве и лояльности к власти и «приобщить инородцев к русской государственности» в двадцатом столетии еще больше актуализировалась [37].

Руководящий принцип в политике по отношению к мусульманским подданным был отражен в журна-

ле Комитета министров от 22 февраля и 1 марта 1905 г.: «Мусульманское население внутренних губерний всегда исполняло свой долг перед государством наравне с его коренными подданными и не доставляло правительству каких-либо забот в отношении политическом... Исторически сложившимися отношениями этими надлежит дорожить и испортить их следует опасаться» [38, л. 22об.]. По поручению МВД были проведены обследования губерний с преобладающим мусульманским населением, по результатам которых сделаны следующие выводы: принятие христианства не сближает инородцев с русской средой; православие, в сравнении с мусульманством, имеет довольно слабые позиции, и миссионерство только усугубляет ситуацию [39, л. 334об.].

Оставив надежду на искоренение мусульманства в России и стараясь по отношению к мусульманскому населению избегать всего, «что могло бы казаться посягательством на религиозные убеждения населения», центральная власть отказалась от открытого проведения христианизации мусульман и попыталась найти приемлемый вариант взаимоотношений государства с исламом [34, л. 4].

В ходе первой русской революции был принят указ 17 апреля 1905 г. о веротерпимости, где был обещан ряд серьезных уступок мусульманскому населению России [40]. Положение дел в российском мусульманстве обсуждалось в 1910 г. на специальном «Особом совещании», которое было созвано по инициативе Председателя Совета министров П.А. Столыпина. На нем была признана особо опасной «намеченная мусульманскими руководителями строго последовательная программа религиозного и культурного объединения всего мусульманского населения России на автономных началах под главою высшего духовного лица – совершенно независимого от правительства в управлении делами веры и школы» [41, с. 52]. На том же совещании вятский губернатор П.К. Камышанский высказал общее мнение большинства гражданских властей, что неременной задачей правительства является поддержание «чистоты ислама», поскольку отказавшиеся от веры отцов вчерашние мусульмане будут с радостью встречены в революционной среде, мечтающей о свержении самодержавия [38, л. 142]. Там же прозвучало, что «хотя магометанство не может быть уравнено с христианством, но оно представляет источник нравственности и расшатывать его не стоит... необходима борьба лишь с отдельными группами противоправительственной направленности» [38, л. 154–154об.].

К 1914 г. ситуация в стране осложнилась внешнеполитическими обстоятельствами, и задача – удержать мусульман в российском подданстве и лояльности к власти – еще больше актуализировалась. Не могло быть и речи о христианизации российских мусульман, власти старались любыми средствами не допустить

возникновения межконфессиональных и межэтнических конфликтов, которые в военный период могли привести страну к национальному противостоянию, поделить империю по конфессиональному признаку.

Таким образом, в России с конца XVII и до начала XX в. в законодательстве наблюдалась противоре-

чивая картина по вопросам веры, что объясняется изменениями во внутригосударственной политике в различные временные периоды. Национальная политика находилась в прямой зависимости от изменений, происходящих в государстве, и во многом складывалась из внешнеполитической ситуации в различные временные периоды.

Библиографический список

1. Дякин, В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) / В.С. Дякин // *Вопросы истории*. – 1995. – №9.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб., 1890. – Т. XIV.
3. ПСЗ. – Т. I. – Ч. 1.
4. ПСЗ. – Т. XI. – Ч. 1. – Р. 6.
5. Устав духовных консисторий. – СПб., 1841.
6. Арапов, Д.Ю. Екатерина II и положение ислама и мусульман в Российской империи / Д.Ю. Арапов // *Сподвижники Великой Екатерины*. – М., 1997.
7. Бобровников, Н.А. Инородческое население Казанской губернии. – Вып. 1: Татары, вотяки, мордва / Н.А. Бобровников. – Казань, 1899.
8. Малов, Е.А. О татарских мечетях в России / Е.А. Малов // *Православный собеседник*. – 1867. – Кн. 12.
9. ПСЗ. – Т. VI.
10. Государственное управление Тюменской области Государственного архива в г. Тобольске (ГУТО ГА в Тобольске). – Ф. 156. – Оп. 1. – Д. 218.
11. Акишин, Н.О. Письма и бумаги Филофея Лещинского в архиве Тобольской Консистории / Н.О. Акишин // *Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: Исторический опыт и современность* : матер. Всерос. науч.-практич. конф. – Тобольск, 1995.
12. Акты Археологической экспедиции (ААЭ). – Т. 1.
13. ПСЗ. – Т. VIII.
14. ПСЗ. – Т. II.
15. ПСЗ. – Т. XV.
16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1885.
17. Митров, О. Житие священномученика Арсения (Мициевича), митрополита Ростовского 200-летию Рождества Христова посвящается / О. Митров. – М., 2001.
18. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 156. – Оп. 7. – Д. 1768.
19. Малов, Е.А. О новокрещенской конторе / Е.А. Малов. – Казань, 1878.
20. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (ПСПиР). Сер. 2. – СПб., 1876. – Т. IV.
21. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 156. – Оп. 1. – Д. 1137.
22. ГУТО ГА в Тобольске. – Ф. 156. – Оп. 2. – Д. 2424.
23. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. 1802–1902. – СПб., 1901.
24. Свод законов Российской империи. Устав строительный. – СПб., 1900. – Т. 12. – Ч. 1.
25. Рыбаков, С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России / С.Г. Рыбаков. – Пг., 1917.
26. Побережников, И.В. Материалы по истории распространения слухов о насильственной христианизации среди коренных народов Востока России (XVIII–XIX вв.) / И.В. Побережников // *Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность* : матер. всерос. науч.-практ. конф., март 1995 г. – Тобольск, 1995.
27. Миненко, Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. / Н.А. Миненко. – Новосибирск, 1975.
28. Свод законов Российской империи. – Изд. 3. – Т. IX. – СПб., 1900.
29. ПСЗ. – Т. XXXVIII.
30. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 796. – Оп. 109. – Д. 1552.
31. Присяга мусульман, поступающих в военную службу // *Свод военных постановлений 1869 г.* – Ч. 2. – Кн. 6. – СПб., 1907.
32. Очерк просветительской деятельности Н.И. Ильминского. – СПб., 1904.
33. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 743.
34. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 406.
35. Георги, И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей / И.Г. Георги. Ч. II: *О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения северных сибирских*. – СПб., 1776.
36. Ядринцев, Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом историческом отношении / Н.М. Ядринцев. – СПб., 1892.
37. Воробьева, Е.И. Христианизация мусульман Поволжья в имперской политике самодержавия. Имперский строй России в региональном измерении / Е.И. Воробьева. – М., 1997.
38. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 801.
39. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 576.
40. О веротерпимости : Закон от 17 апреля 1905 г. – М., 1905.
41. Алов, А.А. Ислам в России / А.А. Алов, Н.Г. Владимиров. – М., 1996.